

Станислав КУНЯЕВ

Пушкин — наш современник

Как мы уже сообщали, под занавес 2016 года в Центральном доме литераторов в Москве прошёл торжественный вечер в честь 60-летия журнала «Наш современник»

Вечер открыл главный редактор Станислав Куняев, который произнёс своё слово об исторической и духовной связи журнала «Наш современник» с пушкинско-некрасовским «Современником». Мы предлагаем вам газетный вариант выступления.

— Десять лет тому назад мы провозгласили «Наш современник» журналом, продолжающим традиции пушкинско-некрасовского «Современника». Речь шла о схожести судеб двух журналов и об их мировоззренческом родстве.

Судьба пушкинского «Современника» в начале не была счастливой. В 1836 году вышло четыре журнальных тома. Два первых — тиражом 2400 экземпляров, из которых разошлось не более трети, а тираж четвёртого по причине малого спроса снизился почти втрое. После гибели Пушкина журнал стал постепенно чахнуть, и когда Плетнёв передавал его Некрасову, у «Современника» оставалось всего лишь 233 подписчика. Расцвет начался в некрасовскую эпоху, когда приближалась отмена крепостного права и рождался слой разнородной интеллигенции.

Между тем журнал был любимым детищем Пушкина. Во многих письмах последнего года жизни поэт с волнением и восторгом рассказывает о каждом из номеров, расхваливает авторов, ругается с книготорговцами и недругами-журналистами. Его шедевры — «Скупой рыцарь», «Родословная моего героя», «Капитанская дочка», «Медный всадник», «Путешествие в Арзрум» — печатаются в «Современнике» рядом с повестями Гоголя, стихотворениями Тютчева, Жуковского, Борагынского, Кольцова, Лермонтова, Дениса Давыдова... Какие имена! Казалось бы, нарасхват должен идти журнал!

Но грамотная светская чернь уже была увлечена бульварным чтением Булгарина, крикливыми антипушкинскими статьями Греча и Полевого, трескучими стихами Бенедиктова, ходульной прозой Марлинского, коммерческими романами французских сочинителей...

Рыночные нравы, хлынувшие в 30-е годы XIX века в русскую журнальную и газетную жизнь из буржуазной Европы, озадачили и даже испугали Пушкина. Почти за два века до телесериалов, детективов, женских романов и прочего «мыла» он почувствовал гнетущий запах перемен и бросил в лицо этой маскультуре, этой многоголовой бесовщине перчатку.

Подобно «холодной толпе» тех лет, наша новолиберальная чернь не прочитала историческую эпопею Ирины Римской-Корсаковой «Побеждённые», прошла мимо леоновской «Пирамиды», не заметила последний роман Белова «Час шестый», рассказы Распутина и его повесть «Мать Ивана, дочь Ивана», личутинский «Раскол», брезгливо отвернулась от блестящих повестей Проханова «Идущие в ночи» и «Чеченский блюз»... А ведь все эти произведения, печатавшиеся в журнале, каждое по-своему, продолжают традицию пушкинской исторической прозы. В них народные и государственные начала ищут союза и равновесия, а если находят его в роковые минуты истории, то творец может с облегчением вспомнить заветные слова: «Окрепла Русь. Так тяжкий млат, / дробя стекло, куёт булат».

Пушкинская свобода имеет совсем другое происхождение, нежели нынешняя покаянная «свобода слова» и фарисейские «права человека», сущность которых русский гений разглядел почти два века тому назад.

Этой свободой дышали дневники Георгия Свиридова и его вечно печальная мелодия к пушкинским «Метели», стихи

Глеба Горбовского, проза Виктора Лиханова, повести Альберта Лиханова, мифотворческий полёт Юрия Кузнецова: «ночью вытащил я изо лба / золотую стрелу Аполлона». А завершением была поэма о жизни Христа. Впрочем, и Пушкин тоже начинал с культа Аполлона, но в конце жизни написал свои самые проникновенные христианские стихи.

Свободой мысли и поисками полной Истины дышат исторические работы Кожина, публиковавшиеся в нашем журнале: «И назовёт меня всяк сущий в ней язык», «История Руси и русского слова», а также книга о 1937 году. Вадим Валерьянович выработывал свой взгляд на историю с помощью Пушкина и Тютчева. Его настольным чтением были пушкинские жизнеописания Петра Первого и Пугачёва и тютчевские статьи «Россия и революция», «Россия и Германия».

А сколько в письмах Пушкина естественных, здравых мыслей о семье, о женщине-жене, о детях, о воспитании чувств...

Но как обострилась по сравнению с пушкинским временем духовная брань за душевное здоровье народа, за цветущие многодетные семьи против самоубийственного для жизни культа одно-

полых браков, от которых пахнет голубой смертью. В этой брани без пушкинской помощи нам не обойтись. О сатанинских «правах» человека на растление и грех говорит на страницах журнала патриарх Кирилл, о разрушительных соблазнах тёмной чувственности предупреждал общество Александр Панарин; уловки, которыми пользуется враг рода человеческого в погоне за слабыми душами, — постоянная тема отважных Медведевой и Шишовой...

16 марта 1830 года Пушкин написал Вяземскому: «Государь, уезжая, оставил в Москве проект новой организации, контрреволюции революции Петра. Вот тебе случай написать политический памфлет, и даже его напечатать <...> ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мещан и крепостных — вот великие предметы. Как ты? Я думаю пуститься в политическую прозу».

Он и стал основоположником этого жанра, написав «Путешествие в Арзрум», статью «О народном воспитании», «Воспоминания», «Путешествие из Москвы в Петербург», размышления о «Собрании сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского».

«Наш современник» продолжает эту традицию «политической прозы», печатая политические мемуары Николая Рыжкова, «Великую криминальную революцию» Станислава Говорухина, трилогию Юлиа Квицинского о трёх крупнейших предателях в мировой истории — Иуде Искариоте, Андрее Власове и Александре Тыковлеве (он же — Александр Яковлев, ныне покойный); все труды владыки Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна, публиковавшиеся в 1990-е годы. «Россию распятому» Ильи Глазунова, «Историю русского масонства» Бориса Башилова, изданную как приложение к «Нашему современнику».

В нашем литературном поле везде прорастают всходы, посеянные Пушкиным: когда мы пишем о геополитических интересах, о месте под солнцем и русского

ни спорили об истории России, русский читатель всегда будет судить о петровской эпохе по «Полтаве» и «Медному Всаднику», о пугачёвщине — по «Капитанской дочке», об отношениях с Польшей — по «Тарасу Бульбе», о войне 1812 года — по «Войне и миру», о революции 1917 года и Гражданской войне — по «Тихому Дону».

Недавно Первый канал показал многосерийный фильм, созданный по роману Василия Аксёнова «Таинственная страсть». Персонажи киноэпопеи — Аксёнов, Евтушенко, Окуджава, Ахмадулина, Рождественский, Высоцкий, Вознесенский и другие — изображены как романтики эпохи, как чистые, искренние поэты, сопротивлявшиеся всеильному КГБ и тупым бюрократам советской системы, как прекраснородные либералы и герои своего времени. На самом деле, они были во многом баловнями и фаворитами системы, о чём свидетельствуют их книги, их судьбы, их поступки. Они сами называли себя «детьми XX съезда», который состоялся в феврале 1956 года и на котором партийный авантюрист Никита Хрущёв выступил с печально знаменитым докладом, оклеветавшим трагическую и героическую сталинскую эпоху.

Племя литературных приспособленцев, для которых этот доклад стал учебником жизни и руководством к действию, назвало самих себя «шестидесятниками», а эпоху, что наступила после XX съезда, «оттепелью». Судьбы этих «детейшек» сложились в основном удачно. Они стали любимцами партийной элиты, отрекшейся от сталинской эпохи, и все как один присягнули ленинскому времени в стихах и поэмах.

Семена того, что Хрущёв лукаво именовал «ленинизмом», были посеяны в их души в 1956 году. Но обществу узнать сущность этого посева по плодам его пришлось почти через 40 лет, в 1993 году.

Известная российская поэтесса Лариса Васильева, дочь Николая Кучеренко — одного из знаменитой команды создателей легендарного танка Т-34, — недавно написала в своих воспоминаниях:

«Когда это было — весной 66-го года. Ресторан Дома литераторов. Сидят особенные, амбициозные. Прервав свой разговор, Межиров внезапно повернулся к Евтушенко и своим завораживающим голосом говорит: "Я никогда не прошу тебе, Вознесенскому, Белле, Булату того, что вы своими организованными сочинениями, своей шумихой заслонили путь целому поколению к океану настоящей поэзии". Поворачиваюсь к Межирову: "Вы имели в виду поэзию Серебряного века? — Отнюдь нет! Серебряный век состоялся так, что его невозможно заслонить. Я говорю о поэтах вашего поколения — о Горбовском, Рубцове, Юрии Кузнецове и многих других».

В заключение приведу три мысли Пушкина о трёх гигантах мировой истории.

О Европе: «Европа в отношении России была всегда столь же невежественна, сколь и неблагодарна».

О США: «С изумлением увидели демократию в её отвратительном цинизме, в её животных предрассудках, в её нестерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую подавлено неумолимым эгоизмом и страстью к довольству».

О России: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя, как литератора меня раздражает, как человек с предубеждениями я оскорблён, но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал...».

